

того, чтобы призвать будущего государя ободрить «к вящему приращению наук в наследной (...) империи».²⁶ Закончив работу над другим своим важнейшим филологическим трудом — «Российской грамматикой», 20 сентября 1755 г., Ломоносов поднес рукопись этого сочинения самому юному претенденту на российский престол наследнику Петра Федоровича — годовалому великому князю Павлу Петровичу. Текст посвящения, оформленный в соответствии с требованиями жанра (с подробным перечислением всех титулов малолетнего «милостивейшего государя», пожеланиями ему от «всенижайшего раба» всяческого благоденствия и т. д.), представляет собой настоящий панегирик, но не адресату, а русскому языку, величие и богатство которого восхваляются в знаменитых строках Ломоносова. Таким образом, обращение к наследнику, а не к правящему государю опять-таки дает писателю большую свободу для развития важной для него темы, причем не личной, но имеющей общегосударственное значение.

С восшествием на престол Екатерины II большинство посвящений в течение ее долголетнего царствования, конечно, было обращено непосредственно к ней. Рассматривая ряд таких дедикаций, А. Варда отметила многие характерные для этого жанра черты, прежде всего стремление представить идеальный образ просвещенного монарха.²⁷ Совершенно справедливо исследовательница обратила внимание на близость таких посвящений панегирической оде с ее пафосом, гиперболизацией и устоявшимися формулами, соответствовавшими хвалебной риторике (уподобление монархини божеству, ангелу, солнцу; упоминание золотого века и т. п.).

Однако едва ли правомерно видеть в этих преувеличенных похвалах прежде всего лесть и лицемерие. В значительной степени это было следование установленному канону, соблюдение определенных правил, необходимых при общении подданного с государем. Еще Г. А. Гуковский писал: «Мы должны уметь читать стихи и прозу XVIII столетия так, как их должны были читать современники; мы не должны придирааться к отдельным словам, а должны научиться улавливать общее направление смысла произведения, и тогда и отдельные слова зазвучат для нас по-иному. Таким образом мы поймем, что монархические „восторги“ од как Ломоносова, так и Сумарокова вовсе не означают, что один из них был „идеологом“ двора Елизаветы Петровны, а другой — „идеологом“

²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 21. Посвящение было сделано на рукописном подножном экземпляре. См.: Там же. С. 790. (Примечания).

²⁷ Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji. Łódź, 2000. S. 42—52.